

10 НОЯ 1953

Москва

Газета №

Герои великого наступления

Утро идет по нашей необъятной стране. И просыпаются двести миллионов человек. Двести миллионов сердец радуются новому дню: взрослые — предстоящей встрече с любимым делом, дети — встрече со школой, с товарищами по забавам... Да мало ли радостей несет наступающий день. В этот день у кого-то случится и горе. Без этого не бывает. Но когда нас мучает горе, мы думаем о том, что оно, даже самое тяжкое, пройдет, а завтрашний день принесет новые радости. И в этой уверенности — счастье нашей жизни.

Писать о нашей жизни — величайшая радость, но и величайший труд. Это сознают зрелые мастера, рано или поздно начинают сознать и подмастерья. Самые большие трудности встают чаще всего, когда писатель изображает жизнеутверждающее начало, создает образ, как принято говорить, положительного героя.

В русской литературе эпохи критического реализма немало великолепных по художественной полноте характеров людей, которыми авторы отдавали свои симпатии. Сила этих характеров наиболее ярко раскрывалась в отрицании тогдашней действительности, в борьбе против общественных зол своего века. В отрицании всегда больше драматизма, чем в приятии. Мне думается, поэтому и трудно писать о нашем человеке, всей душой принимающем избранный народом образ жизни. Изменилась основа основ драматизма. Герой нашего времени, советский человек, с наибольшей силой выражает свой характер в беспредельной, действительной любви к породившей его действительности.

Сейчас уже стало ясно, что нельзя возводить нашего человека в степень идеала, награждая его одними лишь добродетелями. Однако, говоря о чертах положительного героя, мы все еще зачастую впадаем в ханжество и лицемерие. Уж такой гладенький, такой розовый наш герой! Еще не впуская на страницы рукописи, мы уже облакаем его в мрамор и бронзу. Он достоин и мрамора и бронзы, — да, больше, чем герои всех иных веков, достоин, — но не розовенький и гладенький, а во всем величии страстей.

Года два тому назад я написал неудачную пьесу об уральских конструкторах, создателях шагающего экскаватора. Когда я думаю теперь о причинах этой неудачи, мне вспоминаются вечера, проведенные с конструктором Н. Мы обычно встречались в конструкторском отделе Уралмашзавода. Он рассказывал о деталях своей сложной работы, о трудностях, о своих товарищах. Я и написал пьесу, но не о людях, а о «конструкторах». И уже после узнал, что в те дни, когда я терзал Н. вопросами об узлах экскаватора, этот человек распутывал самый сложный узел своей жизни, переживал большую личную драму...

Прекрасен облик нашего рабочего. С кем бы ни разговорился, с горняком или токарем, доменщиком или механиком, поражает богатство души, широта кругозора. Как часто мы заносим в арсенал черт будущего героя только то, что лежит на поверхности! Передовой рабочий? А, значит, он, конечно, новатор. Что же еще? Он учится заочно в техникуме или институте, он депутат райсовета. Пишет книгу о своем производственном опыте. Вот примерно и все. Все! Но разве это так уж мало? Быть новатором, депутатом райсовета не так-то просто. Но вот как раз этого трудного, непростого в жизни героя мы и не показываем по-настоящему глубоко. Не показываем всей трудности борьбы наших новаторов с косностью, слабо, недостаточно поэтизируем их подвиги, дела и мысли, тускло освещаем их многогранные характеры.

Встают в памяти две фигуры. Какие разные! Доменщик Валерий Крючков — молодой, порывистый парень. Умное, я бы сказал, интеллигентное лицо, точная, образная речь. Я видел его на выпуске металла. Там он — бог в ослепительном сиянии искр. Но вот он дома — с женой, с ребенком. Нежный, тихий, улыбочивый. Он, конечно, счастлив. Любит свое дело, хорошо зарабатывает, пользуется уважением в коллективе. Но в этой внешне простой, без особых видимых бурь жизни — бездна содержания. Тут и раздумье о семье, и любовь, которую хочется сохранить такой, как в первые свидания, тут и тревога за план завода, план цеха, озабоченность судьбами товарищей по бригаде: один сметлив и трудолюбив, но выпивает, другой умен, но с ленцой; тут и волнения большой общественной жизни, в которую коммунист Крючков, что называется, ушел с головой, и, если хотите, сыновнее, сердечное раздумье о судьбе страны, пристальный взгляд на окружающий нас мир — суровый взгляд солдата своей Родины.

У металлиста Виктора Пономарева много черт, родственных Крючкову. Но это совсем иной характер. Умудренный жизнью человек, отец семейства. Собранный, четкий, но очень доверчивый.

Драматизм жизни этих людей — это драматизм осознанного подвига в каждодневной, трудной и радостной борьбе за коммунизм. Герой нашего времени — это солдат великого фронта, который наступает и наступает, вопреки явным и тайным, но всегда яростным усилиям врага.

Когда я думаю о новом дне, который встречают двести миллионов моих сограждан, я вижу людей бодрых, светлых душой, умных и веселых. И если бы мне хоть однажды удалось ярко нарисовать образ моего современника, я был бы счастлив всю жизнь. Признаюсь, это самая большая моя мечта.

А. САЛЫНСКИЙ.

230